

ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАНЦЕЛІИ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
1 в 16 каждого
мѣсяца.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются бесплатными. Недривятая для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неустраиваемыя въ теченіе года, уничтожаются.

Годовая цѣна—5 руб.

ОТДѢЛЪ I.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 23 минувшаго мая за № 4138, въ коемъ изложено, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, Г. Оберъ-Прокурора, докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 12—16 минувшаго мая за № 4129, въ 22-й день того же мая, Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Вашему Преосвященству для посѣщенія приходовъ Варшавской епархіи, расположенныхъ близъ русской границы, проѣзжать по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ, безъ испрошенія въ каждомъ таковомъ случаѣ заграничнаго отпуска. Приказали: О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи объявить Вашему Преосвященству указомъ. Іюня 8 дня 1909 года. № 8173. Подлинный за надлежащими подписями.

Святѣйшимъ Синодомъ преподано благословеніе съ выдачею грамотъ: 1) Лодзинскому церковно-приходскому попечительству за ревностную заботливость о благоустройствѣ мѣстной двухклассной церковно-приходской школы и 2) старостѣ Лодзинскаго собора Степану *Галтину* съ женой Акилиной за щедрыя пожертвованія.

Резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 7 юня с. г. утверждено постановленіе православныхъ жителей г. Опочна, Радомской губ. объ учрежденіи при строящейся церкви Опоченскаго отдѣленія Томашовскаго церковно-приходскаго попечительства и избраніи: Сивы Барановскаго предсѣдателемъ,

Ильи Бирюкова—казначеемъ, а Глѣба Шостацкаго, Николая Клейзера, Матвѣя Мухина, Кирилла Муделя и Михаила Киселя—членами Совѣта сего отдѣленія.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Уволены: псаломщикъ Голынской церкви Теодоръ *Сурель* за переходомъ на службу къ Министерству Народнаго Просвѣщенія съ 1 апрѣля с. г. и псаломщикъ Сопецкой церкви Константинъ *Ефимовъ*, согласно прошенію съ 1 іюня с. г.

Награжденъ къ 6 мая с. г. камилавкою настоятель Томашовской церкви священникъ Романъ *Медведь*.

Утверждены: Георгій *Забіяникъ* въ должности старосты Граевской церкви, Косма *Шабавъ* — его помощника, Семень *Сивченко* и Афанасій *Адамчукъ* представители отъ прихожанъ къ той же церкви и Димитрій *Овсянникъ* членомъ Граевскаго церковно-приходскаго Совѣта.

ОТДѢЛЪ II.

Религія въ жизни Гоголя.

(Окончаніе *).

Это свѣтлая полоса его жизни. Гоголь переживаетъ высокія вдохновенія художника и христіанина-подвижника. „И пожалуй, какой-нибудь иностранецъ, не знающій его произведеній, могъ бы на основаніи приведенныхъ свѣдѣній вообразить, что Гоголь былъ великій религіозный лирикъ, псаломѣвецъ, или поэтъ-мыслитель, пишущій нѣчто въ родѣ „Божественной комедіи“ Данте... А Гоголь писалъ о похожденіяхъ Павла Ивановича

*) См. № 11.

Чичикова“ (Овсянко-Куликовскій). „Съ каждымъ днемъ и часомъ, пишеть тогда Гоголь Жуковскому въ 1842 году, становится свѣтлѣе и торжественнѣе въ душѣ моеѣ..., я сталъ далеко лучше прежняго..., живетъ въ душѣ моеѣ глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоить мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда, и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще. Чище горнаго свѣга и свѣтлѣѣи небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силу начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія“. Но „загадка“ не разрѣшилась въ томъ смыслѣ, какъ это понималъ тогда Гоголь. Все послѣднее 10-лѣтїе жизни Гоголя уходитъ на религиозно моральное дѣло жизни. Онъ развиваетъ высокое духовное настроеніе, которое влечетъ Гоголя въ Іерусалимъ „поклониться въ тишинѣ Св. Гробу, принеся на немъ благодарность за все случившееся, испросить силъ и мужества на свое дѣло“; онъ всецѣло проникается христіанскимъ ученіемъ о душеспасительности физическихъ и нравственныхъ страданій,—пѣвецъ смѣха сталъ пѣвцомъ и проповѣдникомъ страданій „На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всеми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно поражающую насъ руку (Авт. Испов.). Гоголь воспиталъ въ себѣ высокое христіанское терпѣніе и незлобіе, которые онъ особенно явилъ послѣ „сокрушительной для него исторіи“ (т. е. „Переписки“). „Клевета не смущаетъ меня, говоритъ Гоголь, хотя бы мое имя дошло оклеветаннымъ до потомства и осталось въ томъ видѣ до конца міра, потому что я увѣренъ, что судить меня будетъ Тотъ, Кто повелѣлъ быть міру и намъ, и вѣдаетъ мысли наши въ ихъ полнотѣ“. Отсюда христіанское убѣжденіе въ необходимости безпредѣльной преданности волѣ Божіей, направляющей къ благу самая жестокаго несчастія. „Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой“.

Путь нравственнаго самоусовершенствованія въ жизни Гоголя всецѣло освѣщается его дѣятельною любовью. „Крестъ, тягчайшій всѣхъ крестовъ—крестъ черствости душевной“, съ болью писалъ Гоголь. Любовь къ матери, сестрамъ, друзьямъ запечатлѣна чувствами особенной нѣжности и внимательностью. „Мнѣ кажется, что я теперь (1847 г.) все-таки люблю васъ (С. Аксако-

ва) больше, нежели прежде, но это потому только, что любовь моя ко всѣмъ вообще увеличилась; она должна была увеличиться, потому что это любовь во Христѣ“. Особенная задушевность и привязанность чувствуются въ письмахъ Гоголя къ А. Смирновой: „Вы—одни меня полюбили не за то виѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же своею дружбой раздули и согрѣли“. Любовь Гоголя къ людямъ проявилась въ его широкой благотворительности. Онъ помогалъ не только роднымъ, но всѣмъ нуждающимся въ помощи. Гоголь нерѣдко выручалъ изъ бѣды бѣдныхъ художниковъ, дѣлая имъ дорогіе заказы, которые потомъ сбывалъ богатымъ друзьямъ. Особенно много помогалъ великому художнику Иванову. Сцены крестьянской нужды изъ дѣтства имъ никогда не забывались. Гоголь шлетъ сестрамъ 50, 150 рублей для раздачи крестьянамъ, „наиболѣе пострадавшимъ отъ голода и падежа скота“. „Любезная сестра! Посылаю тебѣ денегъ, сколько собралось: 25 руб. сер. на лекарства, просфоры и прочее, что въ церкви. Прошу тебя обратить особенное вниманіе на родильницъ и отложить нѣсколько денегъ, чтобы нанять работницу на то время, когда родившая должна пролежать въ постели“ (1851 г.). Но дѣлая другимъ добро, Гоголь никогда не любилъ объ этомъ разглашать, и потому, жертвуя въ 1884 г. въ пользу бѣдныхъ студентовъ петербургскаго университета всѣ деньги, собранныя за продажу сочиненій, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, онъ просилъ проф. Плетнева, которому поручилъ это дѣло, чтобы никто объ этомъ пожертвованіи не зналъ. И въ то же время самъ Гоголь очень часто оставался почти въ нищетѣ.

Однимъ изъ важныхъ средствъ нравственнаго самовоспитанія Гоголь считалъ и примѣнялъ къ себѣ—постоянное памятованіе о смертномъ часѣ. Въ письмѣ къ матери (1833 г.), давая наставленія, какъ она должна воспитывать одну изъ сестеръ, Гоголь говоритъ: „ради Бога говорите ей поболѣе о будущей жизни, при всякомъ поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія“. Этими мыслями о загробномъ мірѣ особенно проникнуто „Завѣщаніе“ Гоголя. „Память смертная—это первая вещь, которую человекъ долженъ ежеминутно носить въ мысляхъ своихъ,“—пишетъ матери (1847 г.). Въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь любилъ бесѣдовать о смерти съ духовными лицами, особенно съ такими, которыя наиболѣе строго обличали его жизнь. О. Матвѣй (Ржевскій) такъ потрясалъ его иногда своими бесѣдами, что однажды Гоголь, не владея собой, прервалъ его рѣчь и воскликнулъ:

„довольно, оставьте, не могу далѣе слушать, слишкомъ страшно“.

Въ послѣдніе дни онъ всею душою ушелъ въ мысль о переселеніи въ другой міръ. „Ну, что-жъ, я готовъ, я уже слышалъ голоса,“ отвѣчалъ Гоголь доктору, пугавшему его смертью.

Въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія, Гоголь придавалъ большое значеніе церковной обрядности. Онъ постоянно настаиваетъ на молитвахъ о себѣ и другихъ, на чтеніи церковныхъ книгъ, говѣннѣи и проч. „О, помолитесь обо мнѣ, чтобы Богъ не поразилъ меня за мое недостойнство“, писалъ о. Матвѣю передъ путешествіемъ въ Іерусалимъ. Просить мать отправить молебень — и не одинъ „во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ умѣютъ лучше молиться“. Просить Жуковскаго помолиться о немъ, чтобы работа его (2 т. Мертвыхъ душъ) была истинно добросовѣтною, и чтобы онъ хоть сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной. Но „молись рыданіемъ и плачемъ. Молись не такъ, какъ молится сидящій въ комнатѣ, но какъ молится утопающій въ волнахъ, ухватившись за послѣднюю доску“. Придавая большое значеніе чтенію Св. Писанія, особенно Апостольскихъ посланій и псалмовъ Давида, Гоголь пишетъ сестрамъ (1840): „если вы меня любите..., не начинайте вашего дня иначе, какъ чтеніемъ одной главы изъ Апостольскихъ Посланій..., ручаюсь вамъ, что ваша жизнь пройдетъ правильнѣе и спокойнѣе, и вы не чувствительно, сами не зная какъ, отвыкнете отъ многого того, отъ чего бы хотѣли сами отвыкнуть и не имѣете силы“. Живя въ Ниццѣ вмѣстѣ съ Смирновой, Гоголь постоянно заставлялъ ее списывать и заучивать наизусть псалмы „противъ сквернаго состоянія ума,“ какъ онъ выражался, и послѣ строго экзаменовалъ.

О необходимости для нравственной жизни говѣнія Гоголь говоритъ въ письмѣ къ Погодину: „Я тебѣ говорю, увѣщаетъ онъ своего пріятеля, сдѣлать вотъ что: у тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ самого себя жизнью. Именно во время говѣнія. Продли это время, если можно, долѣе обыкновеннаго. Въ такое время самъ Богъ помогаетъ человѣку много и просвѣщаетъ его мысленные взоры“. И этимъ покаяннымъ моментомъ Гоголь закончилъ свою многострадальную христіанскую жизнь. На масляницѣ Ник. Вас. говѣлъ, а на второй недѣлѣ вел. поста 21-го февраля 1852 года, Гоголя не стало. Многіе упрекали Гоголя, будто онъ понималъ христіанство, лишь какъ сумму церковныхъ обрядовъ. Вся жизнь Гоголя, его творчество говорятъ о томъ, что христіанскіе идеалы онъ усваивалъ не только сердцемъ, но и разумомъ. „Повѣркой разума я повѣрилъ то, что другіе по-

нимаютъ ясною вѣрой и чему я вѣрилъ дотошъ какъ то темно и неясно“. Гоголь самъ возмущался, когда замѣчалъ въ другихъ неразумное, чисто формальное отношеніе къ религіи. Я думалъ, писалъ онъ матери и сестрамъ въ 1847 г., „что вы все таки хоть сколько нибудь понимаете существо христіанства. А вы, какъ видно, мастерицы только исполнять наружные обряды: не пропускать вечерни, поставить свѣчу, да ударить лишній поклонъ въ землю“. Таковы вкратцѣ основныя черты религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія Гоголя, ставшія преобладающими въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни. Онъ былъ той нравственно-духовной атмосферой, въ которой Гоголь желалъ выполнить свое высокое призваніе, свое поэтическое дѣло, продолжить и окончить поэму, въ которой, униженная въ первой части „Мертвыхъ душъ“, Россія должна была предстать предъ читателями возрожденной, кающейся во второй части, и, наконецъ, просвѣтленной божественнымъ свѣтомъ и христіанскими идеалами — въ третьей. Но писатель дважды сжигаетъ вторую часть, вполне обработанную и готовую къ печатанію, сперва въ 1845 г., а потомъ передъ смертью когда погибли въ огнѣ и наброски третьей. Въ этомъ актѣ величайшая драма Гоголя, загадка, еще не раскрытая, если не объяснить все меланхоліей, ипсиходріей и мизантропіей. Овсянко-Куликовскій, вѣроятно, правъ, когда говоритъ: „Великій поэтъ ясно видѣлъ въ сожженномъ твореніи то, что для поэта всего хуже: *отсутствіе художественной правды*. И вмѣстѣ съ тѣмъ кающійся грѣшникъ, въ предчувствіи близкой смерти думающій только о спасеніи души своей, понялъ, что, оставляя творенія, въ которыхъ нѣтъ художественной правды, онъ совершаетъ великій и лишній грѣхъ — распространяетъ ложь и этой ложью обнаруживаетъ несостоятельность спасительной идеи, положенной въ основу произведенія“. Великій писатель остался чистъ предъ своею чуткой авторкою и христіанскою совѣстью, — онъ не далъ своему народу того, что считалъ недостойнымъ своего возвышеннаго идеала, но русское общество, и прежде негодовавшее на Гоголя за его Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ, теперь въ одинъ голосъ осудило Гоголя, того „мученика искусства и христіанства,“ который въ своей жизни явилъ великое самопожертвованіе за любимую имъ Россію, за русское общество, за русскую церковь.

И то что составляло святую душу поэта — его христіанство — было осмѣяно, поругано; желали оставить для Россіи только Гоголя Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ, и забыть Гоголя „Перешипски съ друзьями“. Но современная критика (Овсянко-Куликовскій, Мережковскій, Перцовъ, Розановъ и др.) разбирая психологію творчества Гоголя, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается теперь на религіозно мо-

ральной сторонѣ жизни Гоголя, видя въ ней не только святую личную жизнь Гоголя, но и силу его великаго творчества. Въ этомъ отношеніи достойна большаго вниманія юбилейная статья академика Овсяннико-Куликовскаго. Онъ говоритъ, что художественное творчество Гоголя не могло обойтись безъ его религіозно-моральныхъ стремленій. „Быть можетъ, если бы Гоголь не жилъ интенсивною религіозною жизнью, если бы онъ не былъ моралистомъ..., „Мертвыя души“ много потеряли бы въ глубинѣ, силѣ и скорби, и картина Руси, въ ней начертанная, не произвела бы столь потрясающаго впечатлѣнія на лучшихъ людей эпохи, а для насъ, ихъ потомковъ, не служила бы вѣчною книгою скорбнаго раздумья и освѣжающаго смѣха“. И это потому, что художникъ-сатирикъ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи идеаль, возвышающійся надъ дѣйствительностью на извѣстную высоту, и чѣмъ выше онъ, тѣмъ лучше. Захватъ сатиры тѣмъ глубже, чѣмъ выше идеаль. Но откуда его взять? Его не выдумаешь. Онъ диктуется историческимъ прогрессомъ челоѣчества, и художникъ долженъ вдохновляться тѣми идеями, которыя подсказываются передовымъ движеніемъ культурныхъ народовъ. Гоголь былъ равнодушенъ къ прогрессивнымъ идеямъ своего времени. Чужды были ему и идеалы философіи эпохи 40 годовъ. И между тѣмъ для воспитанія русскаго общества Гоголь въ свое время сдѣлалъ больше, чѣмъ кто либо. Всѣ передовые люди, и славянофилы и западники, видѣли въ Гоголѣ великую движущую силу, которая освободила Россію изъ тьмы и варварства, давъ ей мѣсто въ ряду великихъ историческихъ націй. Для этой великой задачи, душа Гоголя, не обладающая историческимъ идеаломъ времени, имѣла идеаль религіозный, томилась жаждой Небесной родины, и этотъ идеаль помогъ Гоголю подняться надъ гущей жизни на высоту и горькой сатирой осудить пошлость „существователей“. „Гоголь по самой натурѣ своей принадлежалъ къ тому роду художниковъ, которыя, для большаго подъема, необходимо, прежде всего, религіозное возбужденіе, мистическій порывъ, муки покаянія, очарованіе молитвы“ (Куликовскій). И накопляемая Гоголемъ въ религіозномъ процессѣ энергія — вся расходовалась, сначала на дѣло его мысли, на творчество „Ревизора“ и особенно „Мертвыхъ душъ“, а затѣмъ, въ послѣдніе годы, уже на моральное дѣло жизни. И если религіозная сторона, получивъ въ послѣдніе годы нѣсколько тревожно-болѣзненный характеръ, нанесла нѣкоторый ущербъ художеству, то она же возбудила творчество Гоголя для созданія имъ лучшихъ и великихъ твореній. Такъ сливались въ личности Гоголя — художникъ и христіанинъ, сначала давъ гениальные образцы Хлестакова и

Чичикова, а потомъ въ „Перепискѣ“ — и образъ самаго поэта.

Проилуть еще столѣтія, но не будутъ забыты и не умрутъ въ жизни Чичикова и Хлестаковы, какъ не исчезнетъ пошлость людская, — но рядомъ съ ними будетъ свѣтить и свѣтлѣть ликъ поэта, сотканный изъ лучшихъ сторонъ души челоѣческой; онъ будетъ надъ „ними“ смѣяться... сквозь незримыя слезы..., и пусть смѣется.

Свящ. Терентій Теодоровичъ.

ПАСТЫРСКАЯ МЕДИЦИНА.

(Продолженіе *).

Душевное настроеніе священника.

Одинъ мудрый народный правитель на вопросъ кто долженъ быть признанъ безусловно счастливымъ на свѣтѣ далъ отвѣтъ: „Одинъ только Богъ“. „А кто счастливъ послѣ Бога,“ послѣдовалъ вопросъ, — и мудрецъ отвѣтилъ: „Счастливъ тотъ, кто старается уподобляться Богу“. И это самое вѣрное опредѣленіе счастья челоѣка. Это опредѣленіе мы находимъ въ Словѣ Божіемъ: *будите совершенни, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*, сказалъ Господь. Такъ какъ священникъ обязанъ не только самъ стремиться къ этому счастью, но и другихъ направлять къ нему, то въ нашей русской церкви существуетъ титулъ священника: Ваше Преподобіе, или Высокопреподобіе. Въ этомъ титулѣ, въ этомъ словѣ — вся цѣль жизни священника, его счастье. Приэтомъ титулъ: „Преподобіе“ внушаетъ священнику и смиреніе. И въ самомъ дѣлѣ, слыша такое обращеніе ко мнѣ, какъ къ челоѣку, обязанному болѣе другихъ уподобляться Богу, не долженъ ли я проникаться сознаниемъ и своего недостойнства? Слова: „Преподобіе, Высокопреподобіе, Преосвященство“ по своему смыслу выше титуловъ духовенства другихъ исповѣданій. Слова Probst, Ра-

*) См. № 10.

1) Полно смысла также обращеніе: „Ваше Благословеніе“. Это обращеніе знаменуетъ обязанность священника произносить только благія слова и испрашивать милость у Бога. Самое слово „священникъ“ знаменуетъ лицо, совершающее священнодѣйствія. Существуетъ еще названіе священника словомъ: „попъ“. Но это слово какъ нерусское, а греческое отъ исковерканнаго слова papas, въ настоящее время въ хорошемъ обществѣ не употребляется. Въ одномъ большомъ собраніи одинъ господинъ, желая выразить свой либерализмъ горделивымъ отношеніемъ къ священнику, сказалъ: „Попъ Иванъ, пожалуста... На это священникъ отвѣтилъ: Простите, мужикъ, сейчасъ буду къ Вашимъ услугамъ. Тотчасъ, по слову „мужикъ“ послушалось замѣчаніе:

stor, — superintendent, Cure, Ксендзь. Votre Eminence, Votre Excellence, Monsigneur — титулы, характеризующие собою только высшее значение духовенства и ничего не говорящие о томъ высокомъ идеалѣ, который составляетъ предметъ непрестаннаго стремленія священства.

А этотъ идеалъ, посимый священникомъ въ своемъ сердцѣ, доставляетъ ему неисчерпаемый источникъ счастья, радости. Кто носитъ въ своей душѣ этотъ идеалъ, тотъ воплощаетъ въ себѣ истину словъ Спасителя: *Царствіе Божіе внутри васъ есть*. Къ этому идеалу, богоуподобленію, долженъ стремиться каждый человекъ, а священникъ въ особенности. Стремясь къ Богу, священникъ ищетъ и находитъ счастье, радость, только внутри себя; все внѣшнее, окружающее насъ, служитъ только средствомъ для достиженія священнаго настроенія души. Поэтому и языкъ священника, какъ вообще человекъ внимательнаго къ своей душѣ, часто имѣетъ нѣкоторыя особенности: Священникъ напр. рѣдко употребляетъ распространенное выраженіе: „Москва доставила мнѣ удовольствіе“, но любитъ выраженіе: „я наслаждался въ Москвѣ“ и под. Душу человекъ, стремящагося къ Богу нѣкоторые изъ философовъ уподобляютъ странѣ, ненуждающейся во ввозѣ богатства со внѣ, или ограничивающейся самымъ незначительнымъ ввозомъ богатства; душа человекъ, богатая своимъ вѣчнымъ идеаломъ, не нуждается во внѣшнемъ богатствѣ. О священникѣ можно сказать, что центръ его счастья, его духовнорадостнаго состоянія, находится внутри, а не внѣ его. Человекъ, незаботящійся объ уподобленіи себя Богу, ищетъ себѣ счастья только внѣ себя: въ обществѣ, семьѣ, деньгахъ; или, выражаясь ученымъ языкомъ, центръ его тяжести внѣ его; влѣдствіе этого и мѣняются его желанія; если средства позволяютъ, онъ погружается то въ куплю домовъ, то лошадей, или устраиваетъ чуть ли не постоянныя пиршества, или же бросаетъ все это и ищетъ себѣ счастья только въ путешествіяхъ, словомъ ищетъ

„Вы, батюшка, очевидно обидѣлись словомъ „попъ“, а между тѣмъ это слово означаетъ „отецъ“. А я, сказалъ священникъ, вижу, что вы обидѣлись словомъ мужикъ; тогда какъ это слово означаетъ „мужественный человекъ“. Понятно, не всегда одно и то же слово имѣетъ одинаковое значеніе. Въ царствованіе Елисаветы Петровны и даже Екатерины Великой подъ пропеніемъ обычная подпись была: „Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества подлымъ“ такой-то. Слово „подлый“ было равносильно нашему слову „вѣрнопопданный“. Но если бы кто нибудь изъ насъ въ наше время позволялъ себѣ кому нибудь сказать: вы имѣете счастье быть подлымъ, то въ отвѣтъ на это, по всей вѣроятности, вдругъ послѣдовало бы такое счастье, которое бы составляло собою только тяжелую неприятность. Слово „попъ“, какъ архаизмъ, какъ изуродованное греческое слово, должно быть совершенно изъято изъ употребленія.

счастья внѣ себя и постоянно мѣняетъ одинъ родъ счастья на другой. Ищущій же Бога находитъ центръ счастья только въ себѣ и такой мѣнѣ счастья не подвергается; хандра никогда его не посѣщаетъ. Находя счастье только въ Богѣ, священникъ, когда его посѣщаетъ скорбь, никогда не доведетъ себя до отчаянія; съ другой стороны, въ своей радости, онъ никогда не впадаетъ въ гордость. Конечно, священники—люди, и, какъ люди, могутъ даже слишкомъ увлекаться землей, терять благочестивое, радостное настроеніе и влѣдствіе этого вредить своей душѣ и тѣлу, но мы здѣсь говоримъ не о томъ, какъ бываетъ, а о томъ, какъ должно быть.

Привыкнувъ въ своемъ духѣ всегда находить радость, благочестивые люди, при встрѣчѣ съ другими людьми, стараются обращать вниманіе прежде всего не на мрачныя черты ихъ жизни, а на свѣтлыя. Преподобный Серафимъ Саровскій имѣлъ обыкновеніе встрѣчать каждаго приходящаго къ нему словами: „радость ты моя“. Священникъ примѣромъ своей сердечности даетъ урокъ, что мы должны мириться даже съ не нравящимися намъ индивидуальными особенностями каждаго и никого не осуждать. При встрѣчѣ съ людьми не нравящимися намъ мы должны говорить въ себѣ: „должны же быть на свѣтѣ и такіе люди“; это и значитъ народное изреченіе „жить и давать жить“.

Мирное расположеніе духа, радостность, сердечность — это достоинство, къ которымъ стремиться долженъ каждый человекъ, заботящійся о здравіи души и тѣла. Ученіе объ этомъ—обширный предметъ, входящій въ составъ науки опытной психологіи. Мы здѣсь укажемъ только на нѣкоторыя случающіяся въ жизни священника особенности, влияющія на его душевное расположеніе.

Для пріобрѣтенія спокойствія и крѣпости своего духа даютъ священнику совѣтъ имѣть въ виду слѣдующія жизненныя правила, рекомендуемыя и философомъ Декартомъ: во-первыхъ, подчиняться законамъ религіи, которую ты исповѣдуешь и проповѣдуешь, во-вторыхъ, дѣйствовать во всякихъ случаяхъ сообразно наилучшему сужденію, ожидая результатовъ безъ страха; въ-третьихъ, искать счастья скорѣе въ ограниченіи своихъ желаній, чѣмъ въ попыткѣ удовлетворить ихъ и, наконецъ, поставить задачею своей жизни исканіе истины, добра и красоты.

Священникъ обязанъ привносить своимъ прихожанамъ миръ и радость. Но какимъ образомъ священникъ можетъ кого-либо награждать счастьемъ, если же самъ онъ въ своемъ духѣ не носитъ радости, счастья? Хорошее, радостное состояніе духа, по выраженію англійскаго богослова Буктона, „почти можно считать однимъ изъ догматовъ христіанской религіи, радостное настроеніе составляетъ

девять десятыхъ христіанства“ — и священникъ это радостное состояніе можетъ обрѣтать только въ своемъ духѣ. Безъ душевнаго спокойствія, безъ мира въ костѣхъ вашихъ, вы можете быть богаты, велики и могущественны, но не можете быть счастливы, даже не можете быть здоровы. Персидская легенда рассказываетъ, что одинъ великій царь, будучи не въ духѣ, призвалъ на совѣщаніе своихъ астрологовъ, и они сказали ему, что можно достигнуть счастья, носи рубашку виоліѣ счастливаго человѣка. Такого человѣка напрасно искали среди придворныхъ и лицъ благоденствующихихъ классовъ: его не могли найти. Наконецъ землепашецъ, возвращающійся со своей работы, оказался соотвѣтствующимъ этому условію; онъ былъ безусловно счастливъ. Но, къ сожалѣнію, отъ него нельзя было получить лѣкарства; онъ былъ вовсе безъ рубашки. Очевидно, что этотъ человѣкъ, обратившій на себя вниманіе своими радостными пѣснями, своею веселостью, своимъ здоровьемъ, находилъ свое счастье только въ своемъ духѣ. И благодаря этому все его окружающее постоянно содѣйствовало возвышенію въ немъ его радостнаго духа.

Кто съ своей душой ведетъ бесѣду какъ священникъ, кто всегда мирно настроенъ, тотъ черпаетъ себѣ радость изъ отношеній своихъ къ ближнимъ и окружающей его природѣ. „Образованный умъ, даже не священника, даже не философа, говоритъ Миль-Стуартъ,—а каждаго, кому были открыты источники знанія и который въ достаточной степени былъ приученъ къ упражненію своихъ способностей, найдетъ источники неисчерпаемаго радостно оживляющаго интереса во всемъ окружающемъ его—въ предметахъ природы, въ произведеніяхъ искусства, образахъ поэзіи, событіяхъ исторіи, путяхъ человѣчества, прошедшихъ и настоящихъ и его видахъ на будущее“.

Для умиротворенія своего духа и своей пасты священникъ всегда долженъ имѣть въ виду, что вѣчное блаженство не требуетъ отъ насъ пренебреженія этимъ міромъ. *Не молю, говоритъ Спаситель, чтобы Ты взял ихъ (Апостоловъ) отъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла.* Хотя по слову Божию, *міръ сей во зль лежитъ*, но онъ для человѣка созданъ Всемогущей и Всеблагой рукой и самъ по себѣ — добро, и потому въ мірѣ священникъ, какъ и каждый человѣкъ, обрѣтаетъ себѣ мирное, радостное расположеніе своего духа.

Разнообразныя въ настоящее время занятія священника поставляютъ его въ искушеніе сѣшпнть за дѣломъ. Это наша ошибка, вредно влияющая на расположеніе нашего духа; —эта ошибка сильно ослабляетъ нашу энергію. Древнее правило *festina lente* имѣетъ практическій смыслъ и въ наше время. Никогда не нужно сѣшпнть, су-

етиться. „Природа, замѣчаетъ Леббокъ, никогда этого не дѣлаетъ. Первый совѣтъ, какой швейцарскій путеводитель даетъ молодому путешественнику, поднимающемуся на горы и чаще всего повторяетъ его, заключается въ томъ, что надо идти „immer langsam“, т.-е., медленнымъ и твердымъ шагомъ; или *plus doucement on monte, plus vite on arrive au sommet* (чѣмъ медленнѣе поднимаешься, тѣмъ скорѣе достигнешъ вершины) Въ жизни великая тайна успѣшнаго движенія впередъ заключается въ томъ, чтобы никогда не сѣшпнть и никогда не медлить. „Успѣшность, говоритъ восточная пословица, исходитъ отъ злого духа, а терпѣніе открываетъ врата благодунія“. Благодуніе у священника теряется особенно когда онъ совершаетъ богослуженіе съ поспѣшностью; къ священнику тогда раздаются и грозныя слова: *проклятъ всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ.* Да и то нужно сказать, что если работа совершается порывисто и торопливо, то она гораздо болѣе истощаетъ чѣмъ тогда, когда она совершается медленно, безъ суетливости; поспѣшность вредитъ самой жизни; полезно для души и тѣла усвоить правило Гѣте: *ohne Hast, ohne Rast* (безъ поспѣшности, безъ отдыха, безъ крайней медлительности).

Успѣшность вредна даже въ самыхъ обыденныхъ мелочахъ нашей жизни, даже при принятіи пищи. Врачъ Вонсагринъ говоритъ: „Все, что ѣстъ человѣкъ, можетъ быть раздѣлено на три части: одна идетъ на удовлетвореніе истинной потребности организма, другая для чувственнаго удовольствія, а третья подготавливаетъ будущія болѣзни“. Къ числу сильныхъ средствъ испортить себѣ расположеніе духа замѣчаетъ тотъ же врачъ, надо отнести поспѣшность при ѣдѣ, а отсюда происходящую и неразумность при ѣдѣ. Намъ думается, что и мы, священники, часто грѣшимъ поспѣшностью при ѣдѣ, побуждаемые къ этому спѣшными и срочными обязанностями по своей службѣ; отсюда у насъ такъ часты желудочныя заболѣванія и нерасположеніе духа.

Наше время особенно лукаво; религіозные вопросы такъ тѣсно связанные съ жизнью, часто вызываютъ священника на борьбу съ мыслящими вопреки религіи. И какъ часто священнику приходится страдать въ душѣ, терять спокойствіе духа изъ за спора! Конечно, мы, священники, должны мужественно отстаивать свои мнѣнія, основанныя на словѣ Божіемъ и ученія Церкви; мы должны знать, что за это иногда надъ нами будутъ смѣяться, но насмѣшка не причинитъ намъ никакого вреда, сознаніе правоты нашихъ словъ, нашихъ дѣлъ, успокоитъ насъ. Но вотъ что ради нашего душевнаго мира мы должны помнить: „безумно, замѣчаетъ лордъ Черстеръ, терять друга изъ за шутки, не менѣе бессмысленно также дѣ-

латъ себѣ врага изъ челоуѣка равнодушнаго и безразличнаго ради остроты“. При извѣстныхъ случаяхъ мы должны помнить изреченіе: „рѣчь — серебро; молчаніе — золото. Многіе говорятъ не потому, что имѣютъ нѣчто сказать, но изъ любви къ разговору. Надо помнить, что разговоръ долженъ быть болѣе упражненіемъ мозга, чѣмъ языка. Любовь къ разговору ради разговора всегда сопровождается вредомъ и крушеніемъ духа. Люди болтливые часто сожальютъ о сказанномъ. Испортивъ своею болтливостью расположеніе своего духа они иногда проводятъ ночи безъ сна, мучась укорами себѣ за нестатки высказанныя ими слова. Конфуцію приписываютъ замѣчаніе: „У глупаго сердце на устахъ, а у мудраго уста на сердцѣ“. Въ жизни часто принимается слово за дѣло, и потому приходится намъ страдать или радоваться и за наше слово точно такъ-же, какъ и за дѣло.

Священникъ часто бываетъ поставленъ лицомъ къ лицу съ людьми порочными, требующими исправленія; нерѣдко эти лица заявляютъ себя грубостью, — и духъ священника при встрѣчѣ съ дерзостью, грубостью, бываетъ возмущенъ; нерѣдко и подчиненныя священнику лица: псаломщики и сторожа нарушаютъ спокойствіе его духа. Священникъ, поэтому, долженъ быть всегда готовъ къ терпѣливому перенесенію оскорбленій. Въ отношеніи къ подчиненнымъ можно считать хорошимъ правиломъ порицать наединѣ и хвалить въ обществѣ. То, что говорится съ глазу на глазъ, принимается съ лучшимъ настроеніемъ, съ болѣе дружественнымъ смысломъ и, въ дѣйствительности, будетъ имѣть больше дѣйствія; съ другой стороны, похвала въ обществѣ болѣе возбуждаетъ энергіи и служитъ лучшей наградой. И священникъ, если хочетъ всегда имѣть ненарушимымъ мирное состояніе своего духа, никогда не долженъ позволять себѣ дѣлать выговоръ псаломщику или сторожу во время богослуженія въ храмѣ, или въ присутствіи стороннихъ лицъ при богослуженіи на дому. Равнымъ образомъ, священникъ, ради своего душевнаго спокойствія никогда не долженъ въ присутствіи гостей, ставить псаломщика — своего сомолитвенника — въ пренебрежительное отношеніе потому только, что онъ лицо подчиненное. Скорбь псаломщика непременно отразится на священникѣ беспокойствіемъ духа. Въ этомъ случаѣ священникъ долженъ представить себѣ, что онъ испыталъ бы въ своей душѣ, если бы епископъ въ своихъ покояхъ оказалъ ему неуважительное, пренебрежительное отношеніе потому только, что здѣсь, въ покояхъ, оказались и свѣтскія высокопоставленныя лица. Въ такихъ случаяхъ въ душѣ подчиненнаго является смущеніе, злоба, хотя бы дѣло, на видъ и оканчивалось только *низкимъ* поклономъ.

Еще братскій совѣтъ. Если явится необходи-

мость указать подчиненному на его вину, то дѣлать это серьезно, какъ бы съ сожалѣніемъ, и если замѣчаете, что противъ вашей воли кипитъ въ васъ гнѣвъ, постарайтесь, насколько возможно, не обнаруживать своего раздраженія; опытные люди въ этихъ случаяхъ не говорятъ стоя, а садятся въ кресло, стараются говорить медленно и не позволяютъ себѣ повышать голосъ. Для успокоенія своего взволнованнаго духа полезно имѣть въ виду примѣръ нѣкоего Архитаса, который сказалъ своему рабу: „Я бы наказалъ тебя, если бы я не былъ разсерженъ“.

Скорби и страданія священникъ испытываетъ отъ людей же, по этому въ людяхъ же онъ долженъ находить и отраду въ своей душѣ. Священникъ достигаетъ душевнаго расположенія къ себѣ отъ людей не матеріальнымъ богатствомъ, котораго у священника, какъ челоуѣка семейнаго, нѣтъ, а силою чисто нравственнаго своего вліянія. Для этого священникъ долженъ избѣгать всего того, что отталкиваетъ насъ отъ другихъ людей; этого мало, непременно нужно заботиться о вѣжливости и, главное, о сердечности. Вѣжливость и сердечное отношеніе весьма часто вліяютъ несравненно лучше, чѣмъ матеріальное пособіе, хотя въ тоже время нужно избѣгать и челоуѣкоугодничества.

У православнаго священника есть еще одинъ источникъ, особо вліяющій на его расположеніе духа, — это семейная жизнь. „Если бракъ счастливъ, говоритъ Тертуліанъ, гдѣ вы найдете слова, что бы выразить это счастье?... Вмѣстѣ они молятся, вмѣстѣ поклоняются Богу, вмѣстѣ постятся... Вмѣстѣ они въ затрудненіяхъ, въ невзгодахъ, въ часы отдыха. Ничего одинъ не скрываетъ отъ другого, ничѣмъ они не обременяютъ другъ друга. Христосъ радуется, когда видитъ такіа дѣла. Имъ онъ посылаетъ свой миръ. Гдѣ двое, тамъ и Онъ, а гдѣ Онъ, тамъ нѣтъ зла“. — „Счастливый семейный домъ, говоритъ Стенлей, есть лучшее подобіе неба; это — домъ, гдѣ мужъ и жена, отецъ и мать, братъ и сестра, дитя и родители, каждый по своему помогаетъ другъ другу, какъ этого не можетъ сдѣлать никакое другое челоуѣческое существо. Ни у кого другого не можетъ быть такого случая; никто такъ не знаетъ характера другъ друга; никто такъ не заинтересованъ въ благосостояніи, добромъ имени и добрыхъ дѣлахъ и качествахъ когобы то ни было, чѣмъ тѣхъ, кто составляютъ кость отъ его кости и плоть отъ плоти. Въ ихъ счастья и славѣ мы сами становимся счастливыми и прославленными, въ ихъ несчастіи становимся несчастными. Ихъ себялюбіе, слабость и суетность пригнетаютъ насъ къ землѣ, а ихъ чистота, благородство и сила поднимаютъ насъ почти противъ нашей воли къ долгу, небу и Богу“. Вотъ гдѣ священникъ находитъ успокоеніе отъ своихъ трудовъ, вотъ

чѣмъ онъ сильно поддерживаеъ мирное расположеніе своего духа.

Но встрѣчаются священники, которые не обрѣтаютъ въ своей семьѣ мира для своей души. „Для челоѣка, говоритъ Симонидъ, не можетъ быть большаго блага, чѣмъ добрая жена, или большаго бѣдствія, чѣмъ дурная“. А въ притчахъ Соломона мы читаемъ: *„Непрестанная капель въ дождливый день и сварливая жена—равны... Лучше жить въ углу на кровль, нежели съ сварливою женою въ просторномъ домѣ. Священнику, который терзается горемъ отъ пребыванія въ одномъ домѣ съ своей „сварливой“ женою надо имѣть въ виду примѣръ Сократа, который въ своей недоброй, злой, женѣ Ксантисѣ видѣлъ ниспосланное ему богами средство для наставленія его въ терпѣннѣи.*

Но страданія священника,—да можно сказать, и каждаго челоѣка, — неисчислимы; въ несчастьяхъ намъ лучше всего возлагать свою печаль на Господа, Который на Крестѣ распростеръ руки свои, какъ бы обнимая Собой все челоѣчество; и при нашихъ страданіяхъ наше сердце должно внимать призыву Спасителя: *прійдите ко Мнѣ вси... и Азъ упокою вы.*

Священникъ обязанъ заботиться о средствахъ, которыя усиливали бы въ немъ мирное, радостное, настроеніе духа. Какія же для этого имѣются у священника средства? Это вопросъ, какъ мы уже могли замѣтить, сложный. Всѣми, впрочемъ, признано, что главнымъ средствомъ для этого служить правильное распредѣленіе труда и отдыха. О трудолюбіи и отдыхѣ священника мы скажемъ послѣ.

Теперь же мы обратимъ вниманіе на особаго рода трудоотдыхъ, какъ выражаются американцы; это дни прекращенія своихъ обычныхъ по должности занятій и посвященія себя преимущественно дѣламъ своей семьи, или путешествію по замѣчательнымъ мѣстностямъ. На официальномъ языкѣ такіе дни называются днями отпуска.

Необходимо, чтобы священникъ періодически посвящалъ нѣсколько дней на посѣщеніе какой нибудь замѣчательной религіозной святыни, замѣчательной патріотической мѣстности или же вообще мѣстностей своей родины; это необходимо для его уединеннаго размышленія, для обогащенія души религіозными и патріотическими чувствами и мыслями, для поправленія силъ своей души и своего тѣла. Къ сожалѣнію, у насъ, русскихъ священниковъ, просить себѣ отпускъ почти не принято. Тогда какъ вы никогда не встрѣтите пастора или ксендза, которые бы въ теченіе такого или другаго періода времени не отправлялись въ отпускъ въ такія или другія замѣчательныя мѣста, многіе изъ насъ—священниковъ вмѣняютъ себѣ въ достоинство, что они въ теченіе тридцати или сорока лѣтъ нигдѣ не выѣзжали изъ предѣловъ своего

благочинническаго округа. Но это большая ошибка; она сопровождается большимъ недочетомъ въ нашей пастырской дѣятельности, въ нашемъ вліяніи на прихожанъ, да и въ нашихъ проповѣдяхъ. Мы, пастыри церкви, свои проповѣди теперь произносимъ очень часто и печатаемъ много; наша проповѣдническая литература не бѣдна. Какая же причина, что наши проповѣди, очевидно для насъ, слушаются неохотно, а печатныя не читаются, хотя мы часто и даромъ даемъ ихъ въ руки прихожанъ? Одна изъ причинъ этого явленія — это безжизненность нашихъ проповѣдей, ихъ книжность и ходульность хотя, конечно, существуетъ много исключеній. И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли священникъ воодушевленно убѣждать своихъ прихожанъ благоговѣть предъ памятью своихъ родителей, если извѣстно, что онъ самъ въ теченіе 30 лѣтъ не посѣтилъ могилы своего отца, находящейся въ 2—3 дневномъ отъ него разстояніи? Будетъ ли его слово дышать свѣжестью любви къ Россіи, своему отечеству, если онъ не видѣлъ красотъ Днѣпра, Волги, если онъ не видѣлъ Москвы, Кремля, не посѣщалъ древле русскихъ церквей, не ощущалъ на себѣ вѣянія отъ ихъ лѣтъ древнихъ? Можетъ ли слово священника — крайняго домосѣда — вліять на паству, хотя бы онъ и хотѣлъ всею душой поднять патріотическое чувство своихъ прихожанъ? Не замѣтятъ ли прихожане, что самъ отецъ проповѣдникъ поднимается на ходули, когда произноситъ свои патріотическія рѣчи? Кто бывалъ въ Константинополь, гдѣ въ храмѣ св. Софіи показываютъ мѣсто, на которомъ стояли во время литургіи современники русскаго св. князя Владиміра, тотъ знаетъ, какимъ горячимъ чувствомъ проникается тогда русскій челоѣкъ; онъ тогда какъ бы осізаеъ присутствіе при себѣ древнихъ православныхъ предковъ,—и развѣ можетъ какая бы то ни была книга внушить русскому челоѣку подобную любовь къ своей родной церкви, къ своему родному отечеству? Проповѣдь священника, не бывавшаго нигдѣ кромѣ своего прихода, о любви къ церкви и отечеству не можетъ идти въ сравненіе съ проповѣдью о томъ же священника, который посѣщалъ древнерусскія святыни, посѣщалъ, напр., Московскій Успенскій храмъ, гдѣ витаетъ духъ Святителя Филиппа, посѣщалъ Сергіеву Лавру и взиралъ на тѣ мѣста, гдѣ русскіе иноки въ свое время удивили міръ своимъ самоотверженіемъ. Въ настоящее время даже экскурсіи учащагося юношества не считаются роскошью, а необходимостью. Въ Иерусалимѣ мы видѣли патероѣвъ изъ Франціи и Испаніи, прибывшихъ съ многочисленнымъ учащимся юношествомъ; на Елеонской горѣ они воспѣвали псалмы Давида, можно сказать воспѣвали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царственный пророкъ воспѣвалъ эти псалмы, какъ авторъ этихъ псалмовъ. Надо было видѣть восхищенное состояніе юношей и патероѣвъ,

воспѣвающихъ эти псалмы; — какимъ богатствомъ духа запаслись здѣсь молодые люди, руководимые своими пастырями! Въ настоящее время воскресаетъ древнее понятіе объ образовательномъ значеніи путешествій. Въ Иерусалимѣ, Аѳонахъ и Римѣ встрѣчается масса духовенства изъ р.-католическаго и протестанскаго міровъ; русскіе же священники являются здѣсь какъ особая рѣдкость. И это прискорбно. Мало того, что мы сами себя лишаемъ счастья посѣтить мѣста, освященные дѣятельностью нашихъ предковъ, лишаемъ себя счастья соединиться съ ними посредствомъ мысли о нихъ на мѣстѣ ихъ дѣятельности, но мы лишаемъ себя того душевнаго настроенія, которое такъ спасительно, такъ освѣжающе вліяетъ на нашу душу и наше тѣло. Лишеніе нами самихъ себя благодѣтельнаго вліянія на нашъ духъ и тѣло уединенія, или временнаго прекращенія обычныхъ нашихъ занятій, происходитъ отъ нашего неправильнаго понятія о трудѣ и отдыхѣ. Дѣло дошло до того, что даже нашимъ епископамъ ставятъ въ укоръ, что они на нѣкоторое время уединяются на своихъ дачахъ, а священники большихъ городовъ ставятъ себѣ въ достоинство, что они, отправляя свои семьи въ лѣтнее время на дачи, сами никогда изъ своихъ приходовъ не отдаляются. Ошибочное пониманіе дѣла!

Но мы должны сказать, что въ другихъ вѣдомствахъ, и притомъ рѣшительно во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, предоставляется льгота каждому служащему пользоваться чрезъ 2—3 года двухъ—трехъ мѣсячнымъ отпускомъ; отлучка же отъ мѣста службы менѣе, чѣмъ на 28 дней даже не считается отпускомъ; въ нѣкоторыхъ же вѣдомствахъ, наприм., судебномъ, установлены для каждаго служащаго полуторамѣсячные ежегодные вакаціи, даже люди рабочаго класса, нанимаясь на службу, выговариваютъ себѣ льготные дни и даже недѣли. Одни только священники отпусками не пользуются. А если кто изъ нихъ рѣшается отправиться въ отпускъ, то обязательно долженъ на свой счетъ поставить кого нибудь для исполненія обязанностей по своей должности, чего въ другихъ вѣдомствахъ никогда не требуется. И вотъ священникъ, отправившись на нѣкоторое время въ какую нибудь священную для него мѣстность, долженъ въ тоже время чувствовать, что эта роскошь для его духа и тѣла отзывается урывкомъ куска хлѣба отъ его дитяти или вообще ущербомъ для его семьи.

Впрочемъ, мы, въ общемъ, не знаемъ случаевъ, когда бы священнику было отказываемо въ отпускѣ, хотя, дѣйствительно, отпуска въ духовномъ вѣдомствѣ даются неохотно. Обыкновенно противъ отпусковъ возражаютъ: какъ можно оставить приходъ безъ священника. На это можно отвѣтить воз-

раженіемъ: а какъ же быть, если священникъ заболѣетъ и сляжетъ въ постель? Очевидно, надо надъ тѣмъ и другимъ вопросомъ подумать. Далѣе возражаютъ: какъ быть если одновременно всѣ священники въ епархіи пожелаютъ взять отпускъ? По нашему мнѣнію, какъ трудно представить чтобы всѣ священники въ епархіи одновременно подверглись болѣзни, такъ трудно представить, чтобы всѣ священники одновременно объаты были стремленіемъ прекратить временно свои занятія по должности и предпринять путешествія. Обыкновенно происходитъ такъ, что изъ служащихъ только нѣкоторые заболѣваютъ и только нѣкоторые отправляются въ отпускъ.

Впрочемъ, есть причина, болѣе основательная, почему мы, русскіе священники, иногда по нѣсколько десятковъ лѣтъ сидимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ мечты выѣхать когда либо изъ прихода; — это наша бѣдность, не позволяющая намъ удалиться на мѣсяца два въ отпускъ, урѣзать кое-какую часть изъ скудныхъ своихъ средствъ исключительно для себя. Но мы думаемъ, что скоро настанетъ время, когда и наши прихожане, по примѣру нѣкоторыхъ американскихъ общинъ, будутъ давать священнику отъ себя средства для посѣщенія священныхъ мѣстностей. Это будетъ подражаніемъ тѣмъ американцамъ, которые даютъ своему пастору особые средства на отпускъ съ тѣмъ, чтобы онъ, удалившись на время въ любое для сосредоточенія мѣсто, вдохновился темами для своихъ проповѣдей, которыя онъ будетъ произносить по возвращеніи изъ отпуска. Намъ думается, что скоро настанетъ и у насъ время, когда наши прихожане охотно будутъ давать средства для отпуска своего священника особенно тогда, когда онъ съ собою для посѣщенія священныхъ мѣстностей возьметъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ для ихъ руководства.

Мы знаемъ одного стараго священника, который 25 лѣтъ тому назадъ совершилъ путешествіе по Св. Землѣ и посѣтилъ Константинополь, Аѳоны, Александрію, Иерусалимъ и др. св. мѣстности; сердце паломника-священника наполнилось столькими впечатлѣніями, что онъ ими питаетъ свой духъ и въ настоящее время. Полезно, ради мирнаго настроенія души, путешествіе, или вообще отпускъ, для лицъ которые помнятъ древнюю римскую пословицу: *Difficilis in otio quies* (труденъ покой въ праздности).

Но мы должны сказать также, что и въ духовномъ званіи встрѣчаются лица „непосидючія“; они готовы брать постоянные отпуска въ разнообразныя мѣста. Мы знавали одного священника, который однажды взялъ себѣ на 3 мѣсяца отпускъ въ Иерусалимъ; на другой годъ этотъ же священникъ обратился къ начальству съ просьбою дать ему отпускъ опять на три мѣсяца; на этотъ разъ ему дали отпускъ

только на два мѣсяца; возвратившись изъ Иерусалима, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вступилъ съ прошеніемъ дать ему еще отпускъ въ св. мѣста на три мѣсяца, но на этотъ уже разъ ему было отказано въ отпускѣ;—и законно; очевидно этотъ священникъ принадлежалъ къ числу лицъ „непосидючихъ,” жизнь которыхъ чужда сосредоточенности, душа ихъ не владѣетъ твердостью придержать для своего вниманія одинъ и тотъ же предметъ на одномъ и томъ же мѣстѣ; ихъ слабое вниманіе постоянно перескакиваетъ съ одного предмета на другой. Такіе люди встрѣчаются вездѣ. Замѣтны они и въ р.-католическомъ мірѣ, въ р.-католическихъ монастыряхъ; во Франціи они извѣстны подъ именемъ *saints-vagabond*-овъ, а у насъ подъ именемъ „шатуновъ“. Такъ какъ синодальными распоряженіями противъ праздношатаательства приняты мѣры, то лица, страдающія манією „непосидючести,” употребляютъ всевозможные способы дабы выхлопотать себѣ у начальства право перейти въ одно мѣсто, а потомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ другое, а потомъ въ третье и дальше. Но это аномалія, это исключеніе, и, какъ всякое исключеніе, доказываетъ только общее правило, что лицамъ служащимъ въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ и лицамъ служащимъ въ другихъ вѣдомствахъ, найдется на нѣкоторое время въ отпуску полезно и даже необходимо. Вопросъ „объ отпускахъ въ духовномъ вѣдомствѣ” обсуждается нѣкоторыми „Епархіальными Вѣдомостями“ (См. Замѣтка. № 2 Олонецкихъ Епарх. Вѣдом.), гдѣ высказывается сужденіе, чтобы приходскаго священника, находящагося въ отпуску, замѣнялъ какой нибудь іеромонахъ изъ сосѣдняго монастыря или изъ крестовой архіерейской церкви, но намъ кажется лучшимъ сужденіе „Руководства для сельскихъ пастырей,” (№ 15 тек. г.), предлагающее вопросъ „объ отпускахъ” подвергнуть на общихъ епархіальныхъ сѣздахъ, которымъ лучше всего извѣстны всѣ мѣстные условія и обстоятельства епархіи.

Прот. А. Ковальницкій.

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

21-го мая скончался въ хирургическомъ баракѣ Краснаго Креста учитель Солецкой учительской семинаріи Николай Лукичъ Доманскій на 43 г. жизни. Уроженецъ Кіевской губерніи и воспитанникъ Кіевской духовной семинаріи, почившій всѣ цвѣтущіе годы своей жизни, всю свою службу посвятилъ Варшавскому духовному училищу, въ которомъ

онъ, получивъ назначеніе прямо со школьной скамьи, 20 лѣтъ состоялъ учителемъ русскаго языка въ 1-мъ классѣ и въ томъ числѣ свыше 12 лѣтъ несъ обязанности члена и дѣлопроизводителя училищнаго Правленія. Должность учителя Солецкой учительской семинаріи онъ занялъ лишь полтора года тому назадъ.

Обаятельный въ обращеніи, точный и настойчивый въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязанностей, Николай Лукичъ оставилъ по себѣ свѣтлую память среди своихъ учениковъ, которые не могли не чувствовать и не цѣнить его доброжелательности и его настойчивой заботливости объ обогащеніи своихъ питомцевъ необходимыми познаніями.

Сослуживцы покойнаго по Варшавскому духовному училищу съ прискорбіемъ встрѣтили извѣстіе о его кончинѣ и совмѣстно съ бывшими его учениками провожали прахъ его на мѣсто вѣчнаго упокоенія на Вольскомъ православномъ кладбищѣ. Да будетъ память его съ похвалами!

Н. О.

Изъ Епархіи.

ЛАПЫ. — Недавно на станціи Лапы Сѣверо-Западныхъ жел. дорогъ, почитателями священника о. Іакова Карасева было совершено церковное празднованіе по случаю исполнявшагося двадцатипятилѣтняго служенія его въ санѣ священника. Торжество началось наканунѣ служеніемъ всенощной соборомъ прибывшаго духовенства. Литургію совершалъ самъ юбиляръ. Храмъ какъ за всенощной, такъ и за литургією былъ переполненъ молящимися желѣзнодорожными прихожанами во главѣ съ представителями мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій и пріѣзжими. По окончаніи литургіи соборомъ духовенства былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ возгласеніемъ юбиляру многолѣтія. Тутъ же въ церкви завѣдывающій лапскими желѣзнодорожными училищами отъ лицъ училищнаго персонала и учащихся, а равно представители учрежденій и прихожане принесли свои сердечныя поздравленія о. Іакову, а начальникомъ 13 дистанціи Панфиловымъ отъ имени прихожанъ было сказано прочувствованное задушевное слово и поднесенъ подарокъ.

Прихожанамъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Николаю, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Отдѣлъ II. Религія въ жизни Гоголя. (Окончаніе).— Пастырская медицина (Продолженіе).— Некрологъ.—Изъ епархіи.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Дозволено Цензурою—Варшава, 14 іюня 1909 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.